

Зоя Семендуева

МАТЬ СОЛДАТА

Зоя Семендуева

МАТЬ СОЛДАТА

Стихи и поэмы
(перевод с горско-еврейского языка)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИР *ВОРИ*

ИЗРАИЛЬ 2012

Семендуева З.

Мать солдата: сборник стихов и поэм / Семендуева Зоя; пер. с джуури. – Израиль: издательский дом «Мирвори», 2012. – 128 с.: ил. – (Литературно-художественное издание). ISBN 978-965-7448-15-1

«Мне выпало и большое счастье, и большая ответственность стать поэтессой, - говорит Зоя Семендуева. - Я женщина, мать и бабушка. Поэтому очень часто в моих стихах звучит мольба о мире на земле, о том, чтобы наши дети росли, не зная горя войны». Она пишет о своём народе, о любви, дружбе, о войне и мире. Всё это – в её новой книге. Благодаря тому, что все произведения в ней опубликованы в переводе на русский язык, с творчеством поэтессы получит возможность познакомиться широкая аудитория.

ISBN 978-965-7448-15-1

© Издательский дом «Мирвори», 2012

© Семендуева З. 2012

*Посвящаю эту книгу
светлой памяти моей мамы Томой*

*Зачем копить добро в пустыне бытия?
Кто вечно жил средь нас? Таких не видел я.
Ведь жизнь нам в долг дана, и то - на срок недолгий,
А то, что в долг дано, не собственность твоя.*

Омар Хайям

Предисловие

О Зое Юноевне и её произведениях писалось много, и еще больше будет писаться. Многие земляки, конечно же, знакомы с этой легендарной женщиной – поэтессой, писательницей и добрейшей матерью. Да, именно матерью. В своем почтенном возрасте Зоя Семендуева готова обогреть материнской любовью всех граждан планеты. И в своих стихах она выражает свою необъятную любовь к человечеству и желание подобно матери-Земли суметь вскормить и взрастить всех детей мира.

У поэтессы много стихов о матерях и от имени матерей. Но в творчестве Зои Юноевны нередко и встречаются «весенние» стихи, в них она воспевает страстную любовь, которую может испытывать только Юность. Эти стихи легко поются и «пенят» кровь, заставляя веселее стучать сердца.

Безусловно, в творчестве горско-еврейской поэтессы, воспитанной в духе социализма, есть немало произведений, воспевающих советскую власть с её коммунарами и колхозами, с крестьянами-энтузиастами и комсомольцами-передовиками. Читая эти пролетарские произведения, невольно оказываешься в той эпохе и на мгновение переживаешь интересную жизнь того времени и начинаешь понимать его героев.

А какая поэзия без сказки? Сказки Зои Семендуевой – это живой кладёзь не только для горско-еврейской литературы. В этих сказочных сказках встречаются необыкновенные обороты, которыми проникается человек, читающий их в оригинале или в переводе, и восхищаясь ими, старается запомнить, чтобы потом цитировать. Горско-еврейский язык вообще богат образными выражениями, и наша поэтесса-сказочница услаждает нас сладчайшим изюмом этого колоритного языка.

Но больше всего меня увлекает «дым войны», исходящий из её поэм на военную тему. Мне посчастливилось переводить эти, не побоюсь громкой фразы, великие произведения. Будь они написаны даже в прозе, они так же увлекали бы читателя, вызывали желание ринуться на фронт, чтобы помочь героям произведения.

Читая эти поэмы, хочется кричать, звать на помощь, подставить свое плечо, так чувственно передаёт Зоя Юноевна картины Великой Отечественной войны.

Как говорилось выше, можно ещё много и много писать о живой легенде горско-еврейского народа, но сейчас этого делать не стоит, потому что вам предоставляется уникальная возможность насладиться произведениями самой доброй, тонко чувствующей, любящей матери – поэтессы Зои Юноевны Семендуевой.

Дима Мордехай Раханаев

СТИХИ

О, Кавказ!

Для птицы перелётной домом стали горы,
Для пастуха – необозримые просторы,
А аромат садов твоих всегда со мной –
Кавказ, ты для меня навеки дом родной!

Как птица я в гнездо родное прилечу.
Всё о тебе я в памяти сберечь хочу.
Мне дорог даже серпантин твоих дорог –
Кавказ, ты отчим домом стать мне смог!

На многих языках здесь пелись песни.
Здесь дружба чище ключевой воды.
Мне по душе твои законы чести –
Кавказ, навеки домом стал мне ты!

Как трудно от тебя мне оторваться
И каждым уголком твоим не любоваться.
Коль воспарить могла б я над седой волной,
Кавказ, к тебе бы полетела, край родной!

(пер. М. Козаковой)

Не хочу!

Хочу я видеть синеву –
Не черный, смрадный, трупный дым.
Я сплю и вижу наяву:
Мы – победим.

Хочу, чтоб не было вокруг
Сиротских слез и вдовьих лиц,
Чтоб смерть десятком тысяч рук
В мой дом не целилась с границ.

И все ж хочу, чтоб сын мой рос
Солдатом, знал приказ:
«В ружье!»
...Дороже материнских слез
Оно – отечество мое.

(пер. Г. Игнатенко)

Напутствие

Ты лица не видал отцова,
Ты родился, а он погиб,
Был бы жив – от крыльца родного
Мы вдвоём провожать смогли б.

Он под городом русским Гжатском
Похоронен вдали от гор.
И над ним лишь могилы братской
Молчаливый сухой бугор.

Провожая тебя одна я.
По-отцовски стране служи.
Просьба... крохотная... простая:
Оставайся, родимый, жив!

Не роняй нашей чести горской,
Но под пулю не суйся, сын.
...Нас в роду остается горстка.
Помни: ты у меня один.

Ты уходишь стеречь границу.
И готова я бросить дом,
И готова я раздвоиться,
Чтобы стать для тебя щитом!

(пер. Г. Игнатенко)

***

Ты силен и крылат, словно горный орёл,
Стремишься взлететь в высоту.
Но ты высшую точку бы в небе обрёл,
Коль мою бы с собой взял мечту.

И любовь мою должен с собою ты взять:
Даже в ясную синюю ясность
Она сможет почувствовать и подсказать,
Где тебя поджидает опасность.

И меня ты возьми в край борьбы и тревог,
И меня ты возьми без сомнений,
Чтоб, устав после битвы, спокойно ты мог
Отдохнуть на моих коленях.

(пер. В. Портнова)

Учитель

Я семилетней девочкой была,
Любила поиграть и порезвиться,
Когда меня мама привела
В нашу школу грамоте учиться.
Учитель наш был ласков, добр и тих,
Старательно рассказывал уроки
И часто, вспоминая чьи-то строки,
Нам весело читал любимый стих.
В защитной форме русского солдата,
Сказал нам тихо: «Я на фронт, ребята»...
И он ушёл, отдав нам честь легко,
Встал в строй бесстрашных сыновей народа.
Молчали мы, вздыхая глубоко...
Прошло четыре долгих, грозных года.
Отцы и братья, победив, домой
Героями вернулись с поля брани!
Но не вернулся в класс учитель мой,
Не задавал домашних нам заданий.
В бою за переправу у Днепра
Его сразила вражеская пуля.
Но очень долго наша детвора
Помнила учителя в ауле.
Промчалось время, я сама уж мать,
И в школе девочка учится моя.
Я мир люблю и здорово хочу я,
Чтоб никогда ни с кем не воевать!

(пер. М. Грунина)

Дерево у дороги

В начале самом нашего села,
Как у порога, дерево стояло.
С ним юноши прощались, уходя,
И дерево их в путь благословляло.

Как будто свёрток маленький давало,
Чтобы поесть и жажду утолить,
Как мать, их нежным взглядом провожало,
Желая каждому дорогу озарить.

И пусть проходит время быстротечно,
С годами крепнет дерева нутро.
Всех, кто ушёл, дождётся, как обычно,
А те с поклоном отблагодарят его.

И склонит ветви дерево к тому,
Кто от усталости приюта ищет в тени,
Любому молодцу и в лето, и в зиму,
Как будто тот забрался в сени.

Посажен саженец тот, верно, был
Тем, кто любовью преисполнен к миру.
Он, может, просто садоводом слыл
Иль человеком, любящим сатиру...

(пер. С. Семендуевой)

Моя звезда

Говорила мне в детстве мама:

– В небе есть и твоя звезда.

Я искала её упрямо,

Но не видела никогда.

Я взбиралась на наши скалы,

Чтобы к небу поближе быть.

Я искала её, искала...

Брат смеялся:

– Очки купить?

Я стерпела ещё не то бы,

Лишь найти бы мою звезду,

Лишь бы знать мне и верить чтобы –

Неприменно её найду!

А сегодня, хоть не молодая,

Но усерднее молодой

Я, под небом ночным блуждая,

Всё слежу за своей звездой.

Ночью звезды родней и ближе.

Я в росистой стою траве...

Так стою и рубины вижу

На Кремлевской звезде в Москве.

(пер. Г. Игнатенко)

Баллада об отце

Меня не носил на плече он крутом.
И нежности не было в нём беспричинной,
Когда он меня отвозил в детский дом,
Угрюмо сказал:
– Оставайся мужчиной.

Я мог бы его упрекнуть горячо
За то, что в тяжёлое, видимо, время
Он переложил на чужое плечо
Отцовство – не лёгкое гордое бремя.

Ещё упрекнул бы за то, что другой –
Не он! – приносил мне гостинцы в больницу,
За то, что детдомовцам всё же порой
Забота и ласка отцовская снится.

Но дети обычно не судят отцов,
Мы думаем: взрослым с вершины виднее.
Пусть будет счастлив, в конце-то концов...
Женился на новой? Я спорить не смею.

У нас, у детдомовцев, крепкий закал.
Нас не приучили к нытью и поклонам,
Другие пришли проводить на вокзал,
Когда я на фронт уезжал с эшелоном.

Когда я лежал в госпитальном бреду,
Когда я метался от боли и жара,
Привиделось мне, что опять я иду
С отцом по альпийскому лугу на пару.

Когда я на лагерных нарах лежал,
Мне снился не сыр с ароматным чуреком –
Я видел во сне лишь отцовский кинжал,
Который поможет мне стать человеком.

Когда партизанил я в дальнем краю
И сердце о близких порой тосковало,
Уже не отца – мать-Отчизну свою
Я видел во сне на коротких привалах.

И вот через множество лет, наконец,
Сидит предо мною старик виновато.
Он мне говорит:
– Я твой старый отец.
Прости, – говорит, – за былое меня ты.

Мы вправе судить матерей и отцов.
Но дрогнуло сердце под горестным взглядом!
– Не надо, отец, извинительных слов.
Скажи ты мне лучше... чего тебе надо?

(пер. Г. Игнатенко)

Людам

Всю жизнь спешу, стремлюсь к чему-то,
Куда, к чему? Сама того не знаю.
И вдруг приходит смертная минута,
Незванная, негаданная, злая.

Хоть жизнь и смерть соседствуют издревле.
Я не смирюсь с её соседством с нами.
Я думаю о гибнущей деревне.
О детях, что погибли в Хиросиме.

Несли мальчишки овощей кошёлку,
Где им понять, что есть и смерть, и злоба?
Пропела бомба, взвизгнули осколки...
Лежат в канаве придорожной оба.

А у того, кто бомбу изготовил,
Наверно, тоже есть такие дети?
Пусть он представит всех их в луже крови,
Одним осколком конченных в кювете!

Сирены голос вновь вдали проплакал.
Мы снова в сводки вчитываться будем.
...Я с радостью сгорела бы, как факел,
Чтоб осветить дорогу к миру людям.

(пер. Г. Игнатенко)

Мой Дербент

С одной стороны – море.
С другой стороны – горы.
А между горами и морем
Стоял горемычный город.

С одной стороны – татары.
С другой стороны – янычары.
А между двумя огнями
Пылали беды-пожары.

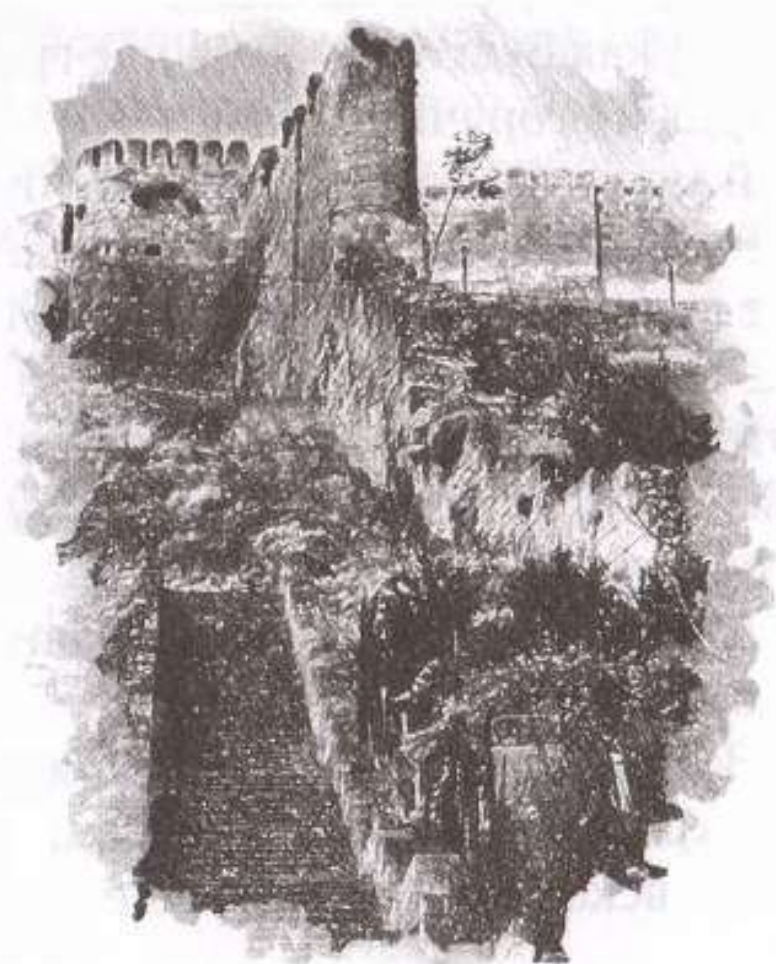
Дымилась кварталов груды.
Сочились ранами груди.
Стенали и море, и горы,
Но громче стенали люди.

Две тысячи лет стенанья
Тут слышались за стенами.
Шли беды сюда караванами,
А радость не зналась с нами.

И вот, мой Дербент, мой город,
Забыл ты, что значит горе.
Налево – радости море.
Направо – богатства горы.

Отрадою из отрад
Зову я мой город-сад.
Века! Прошло вас уж много
По горным крутым дорогам.
Двадцатый – советский век!
Я славлю твой светлый бег.

(пер. Г. Игнатенко)

Сын уходит в армию служить

Проводила сына мать на крыльцо,
Посмотрела ему пристально в лицо.
И тревожно стало матери в груди,
Показалось ей, что муж её глядит.
Словно смотрит он сквозь мёртвые года,
Словно знает, что уходит навсегда.
Что оденут чёрной лентою портрет.
Что он в сыне повторится в 20 лет.
Проводила сына мать на крыльцо,
Память тучею упало на лицо.
А из глаз, как будто ливень в час грозы, –
Две горючие горячие слезы.
Милый мальчик, как похож он на отца,
Тот же взгляд и те же плечи у юнца.
Так же горек, так же крепок поцелуй,
Так же добро говорит ей «Не горюй!»
Пал отец его, чтоб он остался жить,
Чтобы в срок пошёл он в армию служить.
Но чтоб тучи не закрыли небосвод,
Пусть затвор винтовок ставит он на взвод.
Далеко, отец, от дома ты упал,
Берег Волги кровь кавказскую впитал.
Оттого кровав над Волгою восход.
Но с отцовской кровью сын ещё живёт.

Та же воля, то же мужество в глазах.
Улыбнулась мать счастливая в слезах:
Сын любимый – продолжение отца,
Будь отцовской клятве верен до конца.

(пер. В. Портнова)

Сыну

Ты подрастаешь, мальчик, год от году,
Придёт пора – ты выйдешь в мир большой.
Люби же труд, дерзания, свободу,
Будь сильным, сын, и щедрым будь душой.
Где б ни был ты, идя путями жизни,
Как ни трудна была б судьба твоя,
Будь верен, мальчик, матери-Отчизне,
Ведь для тебя она не меньше мать, чем я.

(пер. М. Грунина)

У обелиска

Он погиб в Подмосковье
В сорок первом году,
И его схоронили
У Москвы на виду.

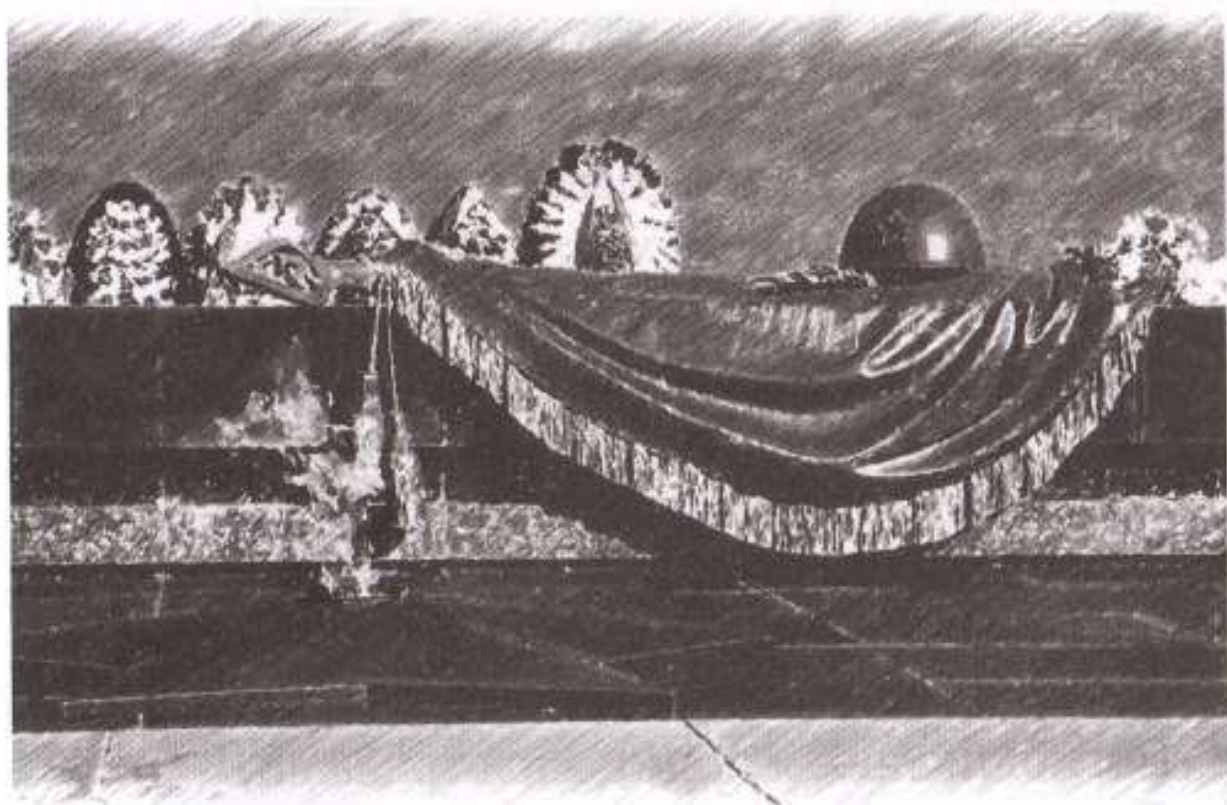
Ты скажи, ты скажи нам,
Неизвестный солдат,
Чьею грудью ты вскормлен,
Чей ты муж или брат?

Может быть, ты земляк мой
С Дагестанских вершин,
Может, степи казацкой
Ты питомец и сын?

Над его обелиском
Вечный пламень горит.
Поклонюсь тебе низко,
Неизвестный джигит.

Возложу я на камень
Зоревые цветы,
Чтоб любовью согрелся
Нашей верною ты.

(пер. Г. Игнатенко)

На Пискаревском кладбище

И голод, и холод, и ярость снарядов,
И все остальные военные беды
Разили сынов, дочерей Ленинграда,
А он устоял и дождался победы.
Рядами могилы... Рядами. Рядами!
И старцы, и дети, и женщины рядом.
Голодные черные вьюги рыдали
Над ними в блокадные дни Ленинграда.
Сегодня, как символ вселенного горя,
Которое в битвах за мир нас сплотило,
Во вдовьем уборе над мраморным морем
Скорбящая мать изваяньем застыла.
Лицо изваянья – чертами России.
На свете добрее и горестней нету.
Оно – как призыв:
– Наши братья живые,
От новой войны берегите планету!
Погибшие люди становятся травами,
Листвою, цветочками полевыми...
И только для женщины в каменном трауре
Они навсегда остаются живыми.

(пер. Г. Игнатенко)

Родина

Больше жизни тебя люблю,
От волнения не дыша,
Звон курантов твоих ловлю,
Часовых твоих четкий шаг.

Как звезда, над судьбою взошла
Ты во мраке минувших лет,
Для горянок навек зажгла
Негасимого счастья свет.

С детства я не могу забыть,
Мать мне пела в родных горах:
Чтоб достойной Отчизны быть,
Будь всегда, как она, добра.

В самом сердце моём живешь
Потому, что ты каждый миг
В богатырских руках несешь
Всей планете любовь и мир.

(пер. Г. Игнатенко)

***

Средь бушующей мглы
За окном не увидишь ни зги.
Дни – длинней, чем года,
Бесконечнее ночи.
А бывало в садах
У заросшего ряской пруда,
На лужайках цветочных
Сладчайшего стона короче,
Догорала звезда,
И синели от нежности очи.
Но тропинка туда
Затерялась в снегах без следа.
Будто ведьма седа,
Надо мною позёмка хохочет.
Да на кухне вода,
Вытекая по капле, пророчит,
Ставит точку на всём:
«Никогда, никогда, никогда!»

(пер. С Сущевского)

Околица

Дорога, ива и родник –
Начало нашего селенья.
Приникни к роднику на миг –
И ты напьёшься просветленья.

Здесь ива, словно чья-то мать,
Что сына ждёт давно с чужбины:
Ей вечно путников встречать
И вечно спрашивать о сыне.

Вода журчит, листва шумит –
Напиться приглашает ива,
Машина мимо пробежит –
Листва во след шепнёт:
– Счастливо!

То вешней радуясь поре,
То пожелтев от ожиданья,
Она смеётся на заре
И плачет с летними дождями.

И ты, наверно, ждёшь родных,
«Счастливо!», – шепчешь
в просветленье...
Дорога, ива и родник –
Начало нашего селенья.

(пер. М.-З. Аминова)

Судьба девушки

Дай руку, сестра, подходи-ка без страха,
Дорога твоя весела и ясна:
О, девушка гор! Октябрём, не Аллахом
Судьба тебе нынче дана.
А раньше, как топчут ненужные склянки,
Что часто в пыли позабыто лежат,
И гордость, и честь попирая горянки,
Топтал её жизнь одряхлевший адат.
Обидят, бывало, её без причины,
И тут же вослед себе слышит она:
– Она не должна быть умнее мужчины,
Такая судьба ей Аллахом дана.
Едва подрастёт, ей советы давали:
– Ты слова сказать и любить не должна...
И рано за тряпки её продавали:
– Такая судьба ей Аллахом дана.
В день свадьбы, закутав себя в покрывало,
Слёзы в углу проливала она.
А гости, хинкал уплетая, кивали:
– Такая судьба ей Аллахом дана.
И так вот всю жизнь, молчалива, бесправна,
Под гнётом, как скот, находилась она,
И чёрным проклятьем закона Корана
Твердил, что такая судьба ей дана.
Но время пришло, и в горах Дагестана

Зажглась победивших Советов заря.
Расправила плечи горянка и встала,
Шагнула навстречу побед Октября.
И гордо по жизни горянка шагает,
Повсюду свои защищая права,
И с радостным сердцем теперь проклинаят
Её проклинавшие раньше слова...
Дай руку, сестра, подходи-ка без страха,
Дорога твоя весела и ясна:
Родная моя! Октябрём, не Аллахом
Судьба тебе светлая нынче дана!

(пер. М. Грунина)

Сестра

Закутанная до бровей,
Ты – женщина, моя сестра,
Не знала нежности людей,
Была лишь отблеском костра.
Ты лишена была любви,
И во владениях мужчин
Тебе не пели соловьи,
Тобой повелевал твой сын.
Ты человечнее была,
Но человеком не звалась
И одиноко боль несла,
Сверкая парой чёрных глаз.
Теперь для грусти нет причин –
Навеки освобождена,
Ты стала гордостью мужчин,
Правами не обделена.
Я – женщина-поэт, а ты –
Верховный депутат страны,
Нам дарят песни и цветы,
Мы уважением сильны.
Нам рот никто уж не зашьёт,
Скотиной нас не назовёт,
Счастливый трудовой народ
Нас вывел на свободный путь.

Растя детей, и за станком
Мы песни мирные поём.
В семье, на фронте трудовом
Мы строим счастья прочный дом.

(пер. М.-З. Аминова)

Матери

О, мать моя!
Любовь твою я не сравнила б
Ни с силою воды, ни с пламенем огня.
Я помню, как ресниц ты не смыкала –
Над колыбелью пела для меня.

О, мать моя!
А если и случалось,
Что иногда я заболею вдруг,
О сне своём тогда ты забывала,
Чтоб беспокойством излечить недуг.

О, мать моя!
Ты в годы испытаний
Не знала часто выходного дня.
За тяжкий труд бралась без колебаний,
Чтобы согреть и накормить меня.

«О, мать моя!», –
И ныне обращаюсь
Я с радостью и горестью к тебе,
Быть может потому, что точно знаю:
Ты мне опора в счастье и борьбе.

О, мать моя!
Ты много пережила...
Но я сейчас готова все отдать
За то, чтоб в мире не было забыто
Любимое, святое имя Мать!

(пер. И. Неботова)

Спасибо, отец

Подчинены законам естества,
Мы все уйдём.
И вспять не возвратиться.
На миг сверкнём
И гаснем, как зарницы...
Растёт на кладбище трава,
Звенит листва,
Щебечут звонко птицы.
Хоть инеем искрится голова,
Мне молодым отец и ныне снится.

И повторяю вновь его слова:
– Запомни, люди могут ошибиться,
А вот земля твоя всегда права
И за добро воздаст тебе сторицей.
Отечество не поле и не чащи.
Оно в душе, в напевах, в языке.
Пусть обнесёт тебя заздравной чашей,
Но вместе с ним нужда и горе слаще,
Чем радость и богатство вдалеке.
Обычай свой святынею храня,
Ничем не оскверни чужого храма,
Не погаси священного огня,
Ни тёмной ночью, ни при свете дня
Не рой упрямо для другого яму.
Идут колена наши от Адама,
И всяк живущий для тебя родня.
С рожденья помнить женщины должны.
Что нет греха досужих сплетен хуже.
Где есть любовь, там клятвы не нужны.
И судят о достоинстве жены
По детским лицам и поступкам мужа.
Прошли года. И голова седа.
Но давнюю отцовскую науку
Я сохранила в сердце навсегда
И детям передам её, и внукам.

(пер. С. Сушевского)

Полубиблейская сказка

В роддом Адам отправил Еву.
Ждал сына первенца Адам.
И колыбельные напевы
Учил, фальшивя, по складам.
У доброй бабушки Яги
Купил отец папаху сыну
И сорок пятый – сапоги:
– Ведь будет как-никак мужчина! –
Твердил восторженно Адам,
Раздобывая на крестины
Коньяк себе, вино для дам.
Такси заказано за сутки.
Шофёр сигналил у ворот.
Адам не медлит ни минутки.
Всё в мире солнечно, прекрасно.
За сыном! Сыном! Едет он.
И тут настойчиво и властно
Зовёт Адама телефон.
– Алло? В чём дело, ради Бога?
В чём дело? Что? Какая дочь?
Прошу, гражданка, без обмана!
Не можете ничем помочь?..
Да... понимаю...
У Адама цветочки валяются из рук.
Зачем из дочки делать драму?

Скажи-ка мне, сердечный друг.
Адам встречать не хочет Еву.
Адам сидит и водку пьет.
Зелёный змий, свисая с древа,
Ему закуску подаёт.
Лежит огромная папаха
И сорок пятый – сапоги.
И стали мёртвым серым прахом
Цветы от бабушки Яги.
Совет я дам:
– Не плачь, Адам!
Поверь весёлому стиху:
Дочь подрастёт, и ты папаху
Отдашь джигиту-жениху.

(пер. Г. Игнатенко)

Радуга

Ожесточась
В житейских мелочах,
Мы от себя
Свои порывы прячем,
А красоту
Отвыкли замечать.
...В рассветный час
Куда-то наудачу
Я шла устало,
От обиды плача:
Любовь пропала,
Женский век растрочен...
Но солнце встало,
Новый день начав.
И радугой в лучах
Его горячих
Заполыхали слёзы
На очах.
И сразу стало
Всё вокруг иначе.
Запел у тала
Сизый саз ручья.
Роса на маках

Заблистала ярче.
Залепетала юная арча
О том, как мало
Значат неудачи,
И не пристало
На судьбу ворчать.
Самих себя терзая
Без конца,
Не чувством верим,
А унылым знаньям.
Но радуга сверкнёт
Перед глазами,
И красота,
Как тайный клад сезамом,
Опять откроет
Для любви сердца,
От суеты
Отмытые слезами.

(пер. С Суцеевского)

Люди

Предав позору
Скаредность и страх,
Сурово крах
Пророчит Сефер Тора
Погрязнувшим в раздорах
И грехах:
«Всё разрушает время
Без разбора.
Падут соборы.
В пыль сотрутся горы.
Пришед из праха
Обратится в прах».

И вот, верша
Земной круговорот,
Перемешав
Рожденья и кончины,
К нам смерть придёт
В назначенный черёд,
Со всех сорвёт
Мундиры и личины.
Мольбам не внемлет,
Взятки не берёт,
Не признаёт
Ни должности, ни чина.

Ей каждый должен
Двери отворить.
Как долго ни живи,
Свою дорогу,
Что начал от порога
Ты торить,
Нельзя ни изменить,
Ни повторить.
Наш век земной
Не вечен, слава Богу.

Смерть милосердно
Сущим даровав,
Творец был прав:
В житейской круговерти,
Где путь своекорыстен
И кровав,
А трупы в рвах
Зарыты в каждом метре,
Последнее раскаянье
Поправ,
Зло приумножит
Личное бессмертье.

Умрут мудрец, ублюдок,
Лицедей.
Могилы ждут вождей
И лизоблюдов.

Но почему же
С ненавистью лютой
От имени тиранов
И идей,
Взяв на себя
Обязанность судей,
Людей повсюду
Убивают люди?!

Веками напролёт,
Из года в год
Всё вместе копим,
Словно пчёлы в улье,
Собрав нектар
Со всех цветов в июле,
Мудросердечья
Драгоценный мёд.
И сам в себе
Грядущее убьёт,
Тот, кто пошлёт
В другого злобно пули.

Под солнцем истин
Абсолютных нет.
С течением лет
Они уйдут со сцены.

Забудутся вожди,
Цитаты, цели.
Но жизни человеческой
Зыбкий свет
И в вечности
Останется бесценен.

Увы, я знаю точно,
Поутру,
Когда в бору,
Стряхнув остатки ночи,
Тюльпаны захохочут
На ветру,
Скарб, молча,
В путь печальный соберу
(Хоть час тот очень
Хочется отсрочить),
Открою очи,
Потянусь к перу,
Но самой лучшей строчки
Не закончу.

Покинут силы,
Взор застелет мгла.
Но улыбнусь
И на краю могилы.

Стихи гранила,
Совесть берегла,
Души в горнилах
Злости не растлила,
Дарила радость людям,
Как могла,
Любила, пела
И детей растила.

Вы ж, провожая
В Лету поутру,
Меня не унижайте
Жалкой жалью.
А, я жила
И потому умру.
Жалейте тех,
Кто в праздничном миру
Не жили –

В приживалах проживали.
Не сеяли, не жали,
Но икру
Вовсю жевали.
Ближнего ужалив,

Дрожали в страхе,
Спрятавшись в нору,
В унынии
Кончины поджидали.

Свой прежний страх
Пред смертью поборов,
Я говорю наперекор
Невежам:
Кто лишь себя любил,
Лелеял, нежил
И не творил
Высокое добро,
Тот не умрёт,
Поскольку просто не жил.

(пер. С Сущевского)

Желание

Я хотела бы стать землёй,
Сильной, мудрой и молодой,
Я бы всех вас поила, люди,
Из своей материнской груди.
Я, как мать, кормила бы вас,
Я бы с вас не спускала глаз.
Чтобы жили вы все на свете,
Как единого рода дети.
Я рожала бы вас на свет,
Я бы вас берегла от бед,
Я бы сделала так, конечно,
Чтобы люди любили вечно.
Я бы сделала, чтобы весна,
Всех пьянила сильнее вина.
И еще б я хотела, чтобы
Вы не ведали горя, злобы...
Как рогатку ломает мать,
Я хотела бы поломать
Лодки атомные и пушки –
Все опасные взрослых игрушки.
О, когда бы мне стать землёй –
Сильной, мудрой и молодой!

(пер. В. Портнова)

Всё для тебя

Смолк кузнечик.
Первой звездочкой увенчан,
Пахнул терпче
Бирючиной росный лог.
Чернью ласточек расчерчен,
Томный вечер
Звал без тропок и дорог
За тёмный стог.
С ног валил беспечно,
Вёл хмельные речи
И кружил в заречье
Головы, как мог.
От росы платок намок.
У крылечка, ветра легче,
Ты шепнул, обняв за плечи:
– Сотворил Предтеча
Землю и сберёг, как залог,
Что состоится наша встреча!

Знал, в тисках
Сожмёт влюблённого тоска,
Боль сожжёт,
Как зной в песках
Сжигает злаки.

Чтоб тебя я,
Странник жалкий,
Отыскал,
Свет он жаркий высекал
В извечном мраке,
Звезд каскад
По небосводу расплескал,
Под громов раскат
Воздвигнул радуг арки,
Землю ливнем обласкал.
И средь скал,
Как костры, раздул
Сверкающие маки.

Изначально
Всё предвидел наперёд.
Сердцем чаял –
Наша встреча не случайна.
Твой приход
На эту землю привечая,
Пред девичьими очами
Горный лёд
Превратил в берилл
Рассветными лучами.
И обвил цветов венчальный
Хоровод,
Мир тебе вручая,
Звонкими ручьями,

Чтобы струи быстрых вод,
Как строки од,
Соловьиными ночами
Зазвучали.

Дело знали
Мастера, и сквозь года,
Дивный лик твой угадав,
Векам являли,
Не желая вдохновенного труда,
То Венерой, то Мадонною
Всегда воспевали, рисовали
И ваяли.
Если б знала ты, как в мире суеты
Разбиваясь о безликость,
Как о рифы,
Слышал голос твой
Небесной чистоты
В рифмах Пушкина,
В Хафизовых редифах,
Узнавал твои бессмертные черты
В древних мифах
И в преданьях о Юдифи.

Без тебя, в конце концов
Я был слепцом.
Но любовью осенённый,
Как Всевышним,

В трудный путь я вышел
С радостным лицом,
Увидал, как пышно
Луг цветами вышит,
Жарко пышет
Склон лиловым чабрецом,
И в ночном затишье
Ход миров услышал.

Для тебя луна
Над рощей зажжена,
Реки мчатся,
Травы синие лучатся.
Ты для радости, для счастья
Рождена,
И навек одна
Судьбою мне дана,
Чтоб с тобою
Никогда не разлучаться.

(пер. С Суцеевского)

Дружба

Звучит набатом,
Данный нам когда-то,
Завет отцов
Из тьмы седых веков:
Мы дружбою богаты,
А не златом.
И тот, кто свято
Чтит её адаты,
Спешит на зов
Достойных кунаков.

В кругу бойцов
Они верней клинков,
Надёжнее, чем латы
Из булата.
Без них для еврея
Жизнь – саморастрата,
Бедны дворцов
Роскошные палаты,
Пир без собрата –
Тяжелей оков.

Им выспренность чужда,
Скромны их речи.
Но, словно кричат,
Грянет вдруг беда,
Во всём, всегда
Пребудут безупречны,
Подставив плечи,
Тяжкий груз облегчат,
Придёт нужда,
Закроют от картечи,
Печаль излечат
Шуткой без следа.

Где рьяный март шаманит
В рощах пряных,
Строй лебедей в тумане
Утром ранним
Койсу поманит
Тишиной в лесу
И вдруг обманет:
Пьяный выстрел грянет.
Вверх стая прынет.
Но того, кто ранен,
Заранее познавши

Дружбы суть,
Пернатые спасут
На смертной грани, –
Ветра тараня,
К гнёздам унесут.

Век, овладей
Инстинктом лебедей,
Чтоб следуя
Заветам Моисея.
В сердцах людей
Зерно доверья сеять.
Сумей рассеять
Чад пустых идей.
От их сивушной сущности,
Косея,
Не возглашай с амвона зла
Лютей:
– Рассея!
Иноходец, иудей!

Мы верили,
Что разбиваем цепи,
Пытаясь мир построить
На крови.

Но всякий путь лишён
Судьбы и цели,
Коль начат он
Со зла, а не с любви.

О, как же гордо
Все мы год от года
О дружбе всех народов
И держав
С восхода до восхода
Ради моды,
В угоду
Проходимцам и ханжам
Стихи писали,
Сочиняли оды,
Соседу руку
Утром не пожав.

Хоть рядом шли,
А воротили морду,
Поскольку он
С другого этажа.
Различные
И верой, и обличьем,
Несхожие в привычках

И чертах,
Набычившись,
Друг в друга пальцем тычем
И хнычем:
– Не выходит ни черта!
Забыв, что соблюдая
Свой обычай,
Чужие всюду должно
Почитать.

Недужит век.
Петля беды всё туже.
Пока не захлестнулась до конца,
Живущим нужно,
Отложив оружие,
Всем вместе души
Распахнуть для дружбы,
Захлопнув тут же
Для вражды сердца.

(пер. С Сущевского)

***

Мы сыновей для радости растим.
Но эта жизнь – не водевиль, а драма.
И день придёт, и, посмотрев упрямо,
Тихонько скажет мальчик, загрустив:
– В путь отпустив, за всё меня прости,
Как сыновей прощают только мамы.

Слезинка на ресницах задрожит.
Уходит тот, кем так или иначе
Привыкла больше жизни дорожить.
И вдруг поймёшь и, радуясь, и плача:
Перед тобой не мальчик, а джигит.

Его отныне незачем корить.
Никто из нас в итоге, слава Богу,
Чужой судьбы не сможет повторить.
И каждый должен, подчиняясь долгу,
Свою судьбу, как песню, сотворить,
По жизни проторить свою дорогу.

И, может быть, в часы прощанья сын,
В далёкий путь пускаясь до рассвета,
Забудет мамой собранный хурджин,
Но в сердце унесёт её заветы.

Они его согреют в холода,
Всегда поддержат на опасной круче.
Когда придёт нежданная беда,
Отваге и смирению обучат.

В опасный путь сквозь зной и сквозь пургу
Уходит мальчик. Так или иначе.
Я горько плачу, вслед за ним бегу...
А вот «Останься!» крикнуть не могу.

(пер. С Суцеевского)

***

Памяти Сергея Изгияева

Жизнь казня
С жестокостью тирана,
Всех приводит
Скорбная стезя
В страны,
Где кружат уныло враны
За туманы
Вечности скользя.

Смертны все.
Но больно мне и странно,
А исправить
Ничего нельзя.
Почему так рано,
Так неожиданно, множа раны,
Гибнут непрестанно
Самые желанные друзья.

Смерть не хочет
Нам давать отсрочки.
Только почки
В роще загрохочут,
Пчелы захлопочут
На лугах, и тюльпаны,

Раскрывая очи,
Точно в танце
Встанут на носочки –
Пир окончен.
Радость – недолга.

И пурга,
Как в саван, с воем волчьим
Землю ночью
Завернёт в снега.
Жизнь таланту
Не даёт потачки.
Не удача ждёт его – беда.

Так уж эта
Создана планета,
Что на ней,
Заветный друг, Сергей,
Вспыхнув до рассвета,
Как кометы,
От дуплета чёрного навета
Погибают первыми поэты.
И чем лучше
Песни ими спеты,
Чем честней,
Тем горше и быстрее.

Вольный сокол,
Ты летел высоко.
Только путь нелёгкий
Завершив,
Поспешил,
Покинул нас до срока.

Чистоту истоков
В звонких строках
Людам нёс
С заоблачных вершин.
И хоть жизнь
Была к тебе жестока,
Ты любил её от всей души.

Чтил ты свято
Древние адаты.
Твой очаг
Не гас и по ночам.
Не в палатах,
В доме небогатом,
Песнями леча
Сердца сельчан,
Скуповат в речах

Витиеватых,
Щедр душой,
Как истинные евреи,
Каждого, как брата,
Привечал.

С нами нету
Мудрого поэта...
Только мнится:
Снова до рассвета
По ночам
На улочках Дербента
Песни и стихи
Твои звучат.

В годы испытаний
И разброда
Встал ты гордо
Против злобной лжи,
Не слагал
власть предержавшим оды.
Ты всегда во всём служил
Народу,
И пока живёт он, будешь жив.

(пер. С Сущевского)

Мой долг

Наша жизнь короче
Майской ночи.
И под росчерк
Летнего дождя
Горечь точит
Душу неумолчно:
Что, досрочно
Путь земной закончив,
Ты оставишь людям,
Уходя?!

Родом не из тех,
Кто год за годом
В модных
Габардиновых плащах
Возвещать
Спешили в лживых одах
Нам о гордом долге
Пред народом,
Чтоб в итоге
Свой не возвращать.

Чем угодно
В скорбный час ухода
Я б вернула,
Да казна тоща.
Так или иначе,
Но с удачей
Не в ладу
Себе же на беду:
Не имею ни машин,
Ни дачи,
Нрав горячий
От чинов не прячу.
Деньги заведу –
За день растрочу,
Сделаю заначку –
Не найду.

В иле склоки
Путь свой не торила.
Не скопила
Злата, серебра.
Зла, бывало,
Ближним не творила.
Жаль, что мало
Сделала добра.

Славы прочной
Для себя не прочу.
Только ночью,
Сжав перо в руке,
Я пишу и рву листочки
В клочья.
Но, уйдя из жизни налегке,
Буду знать:
Мой долг исполнен точно,
Если имя позабыв, захочет
Вспомнить вдалеке
Земляк хоть строчку
На певучем горском языке.

(пер. С Сущевского)

Пастух

Если, словно таран,
На долину обрушатся сели,
И в ладонях полян
Хлынет вязкий и зыбкий туман,
Или взвоют метели,
Ломая столетние ели,
Под ногами ущелье,
А тропа видна еле-еле,
Силы всех на пределе,
И саван свой стелет буран,
Зная толк в своём деле,
Отару до цели
Доведёт и спасёт
Умудрённый годами чабан.

Если так, выждав в арчах,
На кошару ворвётся под вечер
Бурей, злобно рыча,
Вместе с выводком серый овчар,
Сжав ярыгу покрепче,
Шагнёт гордый горец навстречу.

Надо – лучше врача
Он больного ягнёнка излечит,
Через бурную речку
Отару свою, до овечки,
Добродушно ворча,
Переправит на сильных плечах.

Много избранных в пастыри.
Нету избранных.
И мы все, как ни странно,
Смирившись со злом,
С дикой бранью
Себя и всю землю изранив,
Непрестанно
Святыни пускаем на слом,
Рушим храмы
И в громе речей барабанных
Мчимся в пропасть упрямо,
Что стадо баранов,
За идейкой дрянной,
Как за драным козлом.

Бьется в смертном бреду,
Обезумев от боли, планета.
Словно пламя в аду,
Раздувают разлад и вражду
Беспощадные ветры
Корысти, тщеславья, наветов.
Примеряют кастеты
Друзья, позабыв про страду.
И для новых иуд уже где-то
Составлены сметы.
От несметных декретов
Спасения больше не жду.
Но Любовь в час рассвета
Тихонечко шепчет поэту:
Я, как пастырь, приду,
Так начертано в Книге Завета,
И любую беду
Милосердно от вас отведу.

(пер. С Сущевского)

Чинара у ручья

Где в ночах,
Разбухнув, как опора,
Таёт хмара
В утренних лучах.
Заскучав,
Касается чинара,
Словно струн
Пленительного тара,
Звонких струй
Прозрачного ключа.

Стихнут, отстучав,
Цикады в травах.
Даже псы в отарах
Замолчат.
Поплывёт напев к седой
Вершине,
И юны, смешливы,
За водой
Из долины
Средь цветов крушины
Понесут красавицы кувшины
Длинной
Лебединой чередой.

Стайкою беспечно
Защечечут
Над ключом холодным,
Словно лёд,
О желанных встречах
У крылечек,
Кто кому в окно
Папаху мечет...
Слыша речи
Их за годом год,
Дерево вздохнёт,
Расправит плечи.
Счёт ведёт
Чинара безупречно
Спорам вечным
О делах сердечных,
Но, замечу,
Тайн не выдаёт.

Рухнет зной
На склон полдневный с маху,
Смолкнут птахи
Средь листвы резной,
Путник здесь воздаст

Хвалу Аллаху,
Сняв папаху,
Утомлённый пахарь
С кунаком обед поделит свой.

Отблеск алый
Упадёт на скалы,
И дневная кончится страда,
Как всегда,
Приходят аксакалы
Вспоминать года,
Что ускакали
По родимым склонам без следа.

Поздний вечер
Звездочки размечет,
И хмельны
От рос и от луны,
Даже валуны
Запахнут терпче,
Здесь при встрече
Клятвы жарко шепчут
Те, кто бесконечно
Влюблены.

Может быть, поэт
С певучим таром,

Пахарь старый,
Гость издалека,
Садовод,
Седой пастух с отарой?
Только знаю
Я наверняка:
Кто бы ни был,
Прожил жизнь недаром
Тот, кто посадил
В горах чинару
Над истоком чистым
Родника.

В звонких строчках
С мудростью восточной
Завещал бессмертный Саади:
– Если только
Ты узнаешь точно,
Что назавтра
Жизнь свою закончишь,
И не хочешь
Богом быть судим,
Не молись ему с утра до ночи –
Дерево сегодня
Посади.

(пер. С Сущевского)

Астронавт

Однажды летом
Дрогнет космодром.
Росинки с веток
Сбив багровым ветром,
Перед рассветом
Грянет жаркий гром.

Как флибустьеры
Быстрые корветы,
Пилот ракету,
Звёздами веком,
Покинув дом,
Умчит к чужим планетам.

Его газеты
Назовут орлом,
Что вскормлен под крылом
Страны советов.
Толпой поэты
Посветят сонеты
И будет радость пениться вином.

А вот потом
(Увы, иного нету)
Придёт похмелья
Тягостный синдром.
Наш астронавт в глухой тиши
Отсека,
Себя наивных радостей лишив,
Вперёд спешит,
Суров неустрашим.

До тайников души
Творенья века,
Он сокрушит
Безмолвие парсеков,
Путь завершив,
Свой подвиг совершит.
Отыщет там
Он инопланетян,
Что, как туман,
Учёных лам
Разумный океан,
Вооружённых обезьян
На плацах? –
Не следует в детали
Мне вдаваться.

Чтоб всех вас, братцы,
Не вводить в обман,
Приспело время
В жанрах разобраться.
Коль я пишу стихи,
А не роман,
Подробности – у Лема
И Стругацких.

Пилоту, знаю,
Выпадет удача.
Явив свой ум,
Находчивость и такт,
С инопланетным
Разумом контакт
Он установит так
Или иначе.

И, рассевая заблуждений мрак,
Вмиг диалог межзвёздный
Будет начат.
Но что он принесёт
Иным мирам:
Пустые бредни
Митинговой меди,
Нелепую комичность
Наших драм,

Трагичность неизбежную
Комедий,
Когда соседи
Бьются как медведи,
Из-за дешёвой снеди
По утрам?!

Поём безумство
Храбрых день за днём
Над яростным огнём
Всеобщей розни.
Ведём дебаты,
Учиняем козни.
Но, думаю,
Пока ещё не поздно,
Оставим позы
И наш дом
Бесхозный,
Хоть и с трудом,
В порядок приведём,
А уж потом
Свой путь направим к звёздам.

(пер. С Сущевского)

Раскаяние

По ночам
Родительский очаг
Снится вновь, и никуда не деться.
Мне б молчать
С раскаяньем в очах,
На него глядеть, не наглядеться.

Но печаль,
Как ноша на плечах:
Вдаль быстрее ручья
В седых арчах,
Звонко хохоча,
Умчалось детство,
Словно мячик у девчат
Соседских,
Затерялось где-то невзначай.

Как козлёнок, я была упряма,
Вся в бегах,
Что ветер на лугах.
«Не дитя – сплошная мелодрама!» –
Огорчалась вечерами мама,
Ссадины увидев на ногах.

Только вопреки домашним карам,
Я ничью не признавала власть,
В омут всласть
Ныряла с крутояра,
Лазила бесстрашно по чинарам,
С сорванцами мяч гоняла с жаром
И во всю с мальчишками дралась.

Чёрная от солнца, как галчонок.
С детворой, едва взойдёт заря,
Шалости творила увлечённо.
В те года далёкие не зря,
Надоев соседям до печёнок,
Среди самых отрывных девчонок
Числилась в бесспорных главарях.

Только вспомню – слёзы комом в горле:
Сколько близким принесла я горя,
К горькому и позднему стыду.
То уйду на целый день на море,
То, удрав со сбора,
Двинусь в горы
И до самой ночи пропаду.

Безотказно,
Не моргнув и глазом,
Я клялась в присутствии отца

Шалости оставить и проказы.
Но, признаюсь честно, что, ни разу
Клятву не сдержала до конца.

Словно птенчик,
Я была беспечна,
Верила доверчиво тогда,
Будто мама молода
Навечно,
И всегда щебечет
Май в садах.
Но года, как речка, быстротечны.
Всё они уносят без следа.

Сколько раз мои сады желтели,
Сколько раз успели облететь?!
Если б всё предвидеть мы умели,
Как бы мы родителей жалели.
Но могилы замели метели,
И сегодня некого жалеть.
Жгучий стыд
Сильней с годами мучит.
И уже заканчивая путь,
Добротою возвращаю внучке
Долг, что маме не смогла вернуть.

(пер. С Суцеевского)

Милый доктор

Словно в зеркале отражение,
В снах моих возникаешь ты.
Возбуждённое воображение
Пишет маслом твои черты.

Ожиданья в шесть лет протянуты.
Зацветала шесть раз алыча.
Ты в село по свежим проталинам
Возвратился в звании врача.

Смело лечишь болезни сложные,
Моё сердце любовью болит.
Приключилось почти невозможное:
Я здоров, а оно – инвалид.

Милый доктор, проникнись жалостью
К пациенту, ко мне приглядишь.
Своё сердце открою. Пожалуйста,
Или вылечи, иль заразишь.

(пер. В. Портнова)

***

Зимой мы расстались.
Дороги судьбы.
Нас бросили в разные дали.
Меж нами хребты и поля, и дубы.
И зори в озёра упали,
И солнце, как ниток моток.
А лучи –
Как спицы из бабкиной пряжи.
Чем тоньше лучи – тем
тревожней ручьи,
Тем звонче звенят они даже,
Тем радостней в поле
фиалки бутон –
Он трепетно тянется к солнцу.
Что б выпить его,
раскрывается он
И в зори звенит колокольцем.
Мне кажется, я нераскрытый цветок,
А ты для меня – как светило...
Исчезла зима. Завесенил восток.
Я жду. Возвращайся,
мой милый.

(пер. В. Портнова)

Моё лекарство

О волшебстве твоих искусных рук
Рассказывать не устаю вокруг,
К тебе я записалась на приём,
Чтоб разобрался в сердце ты моём.
Что с ним такое, почему оно
Готово птицей выпорхнуть в окно?

Заснуть не в силах, мучаюсь всю ночь,
И только ты б мне, доктор, смог помочь,
Когда б рецептов разных не давал,
А просто взял ты, да... поцеловал

(пер. П. Малаева)

Возьми моё сердце

Мой горный орёл,
Улетая, с собой
Возьми моё сердце
В простор голубой...

В кабине твоей
Оно будет стучать,
И радость, и горе
С тобою встречать.

А если твой компас
Откажет в пути,
Дорогу ко мне
Оно сможет найти.

Мой горный орёл,
Улетая, с собой
Возьми моё сердце
В простор голубой...

(пер. П. Малаева)

***

Когда-то было, вечером иль днём?
Изгладился из памяти час встречи.
Рука в руке мы столько лет идём,
Любовь моя становится всё крепче.

И я жила не просто как-нибудь.
В глаза смотрела я открыто.
Прошла с тобой нелёгкий, трудный путь,
Но на судьбу ничуть я не в обиде.

Кто скажет: жизнь – приятный лёгкий сон?!
Познала я с тобой одну лишь радость.
Сердца-то наши бьются в унисон:
Мне больше в жизни ничего не надо.

(пер. П. Малаева)

Любимому

В какой бы ты ни ехал край,
Я буду ждать тебя, тоскуя.
Мой милый друг, не забывай,
Что горячо тебя люблю я.
Не забывай,
Любовь моя
Всегда, всегда к тебе стремится.
С тобою всюду буду я,
А если что-нибудь случится –
Я сердцем буду знать своим
И в миг с тобою встану рядом...
Под этим небом голубым
Лишь только ты – моя отрада.

(пер. П. Малаева)

Путнику

В диких горах есть заветная тропка,
Выводящая всех на широкий большак.
Ты не будь одинокою птицею робкой,
Выше нос! Твёрже взгляд и уверенней шаг!
Не беда, что тропа в буреломе петляет.
Не повсюду ещё навощённый паркет.
Человек нагибается, если желает
Принести ненаглядной красивый букет.
Упадёшь? Не беда. Не такое бывало...
Не об этом сегодня у нас разговор.
Потрудись, покарабкайся на перевалы.
И с вершины откроется светлый простор.

(пер. Г. Игнатенко)

Прощальная

В путь, мой крылатый, ты захвати
Сердце моё простое.
Уберегу я тебя в пути
И как щитом, прикрою.

В путь я тебе песни гор даю.
Не расставайся с ними.
Станут они для тебя в бою
Крыльями запасными.

Но уж если падёшь в борьбе –
Мне не бывать вдовою.
Я прилечу, мой орёл, к тебе
Чтоб умереть с тобою.

(пер. Г. Игнатенко)

Бессонная ночь

Краткий праздник окончен.
Судьба, не терпя проволочек,
Заварила дела,
Да потом все спалила дотла.
Мне бы вычурной строчкой
Минувшее вычеркнуть срочно,
Только, жаль, – не смогла.
И бессонница – опытный ловчий
В западню загнала,
Тишину навела,
Словно порчу,
Чтобы я в одиночку
Разлуку до дна допила.
Дом пурга замела,
То хохочет,
То воет по-волчьи.
Безысходнее мгла
Тучи ветром изодраны в клочья.
Хоть равнина бела,
Боль стократно черней этой ночи.
Догорел костерочек,
Позёмка летит, как зола.

Жизнь взимает долги
С запоздалого чувства сторицей.
Мы отныне враги.
Нам с тобой на былые круги
Не дано возвратиться,
Погибшей любви возродиться.
Мне к тебе не пробиться
Сквозь груды житейской лузги.
Но под всхлипы пурги
Вновь и вновь мне в бессоннице мнится,
Лишь прикрою ресницы –
Знакомые слышу шаги.
Хоть себе-то не лги!
Это просто скрипят половицы,
Просто сердце стучится
В груди, как подбитая птица.

(пер. С Сущевского)

Цветов не рвите

Там, где туманы
Разлеглись в логах
И маем ранним
Ярко осияны,
Угар медвяный
Щедро льют поляны
В ущелья,
Как в чеканные рога,
Рвём для любимых
Маки и тюльпаны,
Приумножая раны
На лугах.

Сквозь суету
Быстролетающих дней
Всё чаще вижу
С горечью щемящей:
Всё мельче чаши
У тюльпанов в чащах,
В лугах скудней
Разлив цветов слепящий,
Земля бедней,
И красота бледней.

Мы мельтешим,
Бездумно зло вершим
И, оставляя
На земле плешины,
Нарвать букеты
Попышней спешим
Тем, кто дороже
Жизни и души.
Хоть знаем наперёд
Непогрешимо:
Как всё живое,
Что корней лишили,
Цветы умрут.
Их не спасёт кувшин.

И сколько красоту
Ни славословь,
Пройдя свой путь беспечный
На две трети,
Я, что ни вечер,
Размышляю вновь:
Пристало ли
Ценой напрасной смерти
Увенчивать
Высокую любовь?!

Твердим как по заказу:
Мир жесток.
Но тут же, сразу,
Не моргнув и глазом,
Мы смотрим с умилением
На вазу,
Где умирает сорванный цветок.

Я заклинаю друга
И врага,
Кому земля родная
Дорога:
Бесценна жизнь –
И человек, и лютик.
Возлюбленным цветов
Не рвите, люди,
Дарите им
Цветущие луга.

(пер. С Суцеевского)

Встреча

В орешнике густом
Рыдала неутешно
На синем склоне дня,
Успешно променяв
Безгрешную любовь
На ад тоски кромешной,
Когда неспешно ты
С красавицей нездешней
Под вешний перезвон
Раскрывшейся черешни
С усмешкою прошёл,
Не вспомнив про меня.

К безумию близка,
Встреч после не искала.
Раскаяньем ясак
Взимая, как баскак,
Жестокая тоска
Надежды расплескала.
Заботы замели
Потоки слёз песками.
Черешни отцвели.
И годы лепестками
Опав, как будто скань,
Сверкнули на висках.

Что для любви года
Утрат, невзгод, разлуки?!
Как полая вода
Уносит глыбы льда,
Умчит их без следа
За дальние излуки.
Верней поруки нет,
Когда придёт беда.
Прощая без суда
Любые скорбь и муки,
Предательства простить
Не может никогда.

Небрежно завалил
Заглохший сад валежник,
А стёжка на лугу
Нырнула под кугу.
Ты снишься мне сквозь мглу
Безбрежных лет всё реже.
Хоть брезжит костерок в логу
Былой надежды,
И нежность берегу
В душе своей, как прежде,
Отверженной любви
Простить я не могу.

Под трескотню сорок,
С листвою перемешан,
Лёг в колеи дорог
Ноябрьский снежок.
Всему подвёл итог,
Всех страждущих утешил,
И скорбь мою обрёл
Остаться между строк.
Прошёл немалый срок,
Но вздрогнула, опешив,
Так вздрогнут на ветрах
Ожив, стволы черешен,
Когда у них в корнях
Забродит вешний сок.

Пусть солнца не зажгла
Нечаянная встреча,
В тот вечер
От души я рада ей была.
От ближнего угла
Ты шёл, сутуля плечи.
Потух беспечный взор,
Лицо застлала мгла.
Ведь молодость дала
Судьба нам не навечно.

Ты сжѐг её дотла
И утешаться нечем.
Я тоже отцвела.
Но мне сегодня легче.
Надежда помогла,
Любовь меня излечит,
Что втайне от себя
В душе я сберегла.

Не надо жалких слов
И ласкового взгляда.
Ты даже не узнал
Меня в неверной мгле.
За садом след пропал
В просторах снегопада.
Разлада нет в душе.
Я нашей встрече рада.
Давным-давно чужой
И не со мною рядом,
Ты всё-таки живѐшь
На горестной земле.

(пер. С Суцеевского)

ПОЭМЫ

Мать солдата

*Посвящается прекрасной горско-еврейской
женщине А. Рахиль из г.Махачкала*

Поэму эту посвящаю я
Достойной матери, которая любя
Своё дитя, в войну мундир надела
И с сыном в бой ушла легко и смело.

1

В руках у сына увидав повестку,
Мать вздрогнула от боли в сердце резкой:
Поднявшись, враг с оружием идёт.
Война-злодейка молодых крадёт.

Встань, молодёжь, за Родину свою!
Отчизна-мать у бездны на краю!
Скорей спешите, чтобы стать щитом
И уберечь родных и отчий дом.

Легко ли матери расстаться с сыном?
Его любила, холила, растила...
Хотелось ей дожить до тех минут,
Когда сынок поступит в институт.

Но день настал, и милый мамин сын
Не аттестат, повестку получил.

На фронт повестка та его звала.
Мать и себя в дорогу собрала.

Война ужасна... Вражеские силы
Большие города уж захватили.
И погибают бедные солдаты.
И вся страна стенает от утраты.

В окопах мать с бойцами наравне.
Нашлась и ей работа на войне:
Под бомбами и пулемётным градом
Мать помогает раненым солдатам.

Прошло два года, нет конца войне,
А немец всё становится сильней.
И Гитлер отдаёт приказ такой:
– Пусть гибнут все: старик и молодой!

И гибнут люди, и растёт беда,
Вторгаются фашисты в города.
И в Сталинграде бой неравный был.
Был ранен там Шемей, Рахили сын.

Тут приглашает маму командир.
И оправляя от волнения мундир.
Ей говорит: «Ваш подвиг так велик –
За родину вступились, в нужный миг.

Но возвращаться вам пора домой.
Я верю, скоро прекратится бой.
А сын ваш, доблестный солдат страны,
Вступает вновь на страшный путь войны».

От слов от этих мать лишилась речи.
– Как сына мне вернуть, добиться встречи?
Когда ж она с комротой согласилась,
То обняла его и прослезилась.

Тяжёлым было возвращенье мамы.
Теперь же невозможно быть упрямой.
– Но, если Б-г захочет, сын мой милый.
Ко мне вернёшься целый, невредимый.

2

Был план у Гитлера: столицу всю подмять
И этим себя славой увенчать.
Но наша армия им город не сдала
И способом своим их прочь гнала.

Не выдержав зимы, московский холод,
Оставили враги чужой им город.
Без сил, в безумстве войско отступало,
И много по пути солдат их пало.

Шемей из госпиталя прямо в бой идёт
И, доблестно воюя, немца бьёт.

Ещё не выздоровев до конца от ран,
Идёт солдат вперёд, как на таран.

И вот солдаты наши у Берлина.
Побеждена немецкая машина!
И в город наша армия вошла –
Героям слава! Кончилась война!

Вот радость для народа всей страны!
По свету новости уже разнесены:
Война отцов совсем прекращена,
И не сбылась фашистская мечта.

Четыре года уходила молодёжь,
И многих душ домой уж не вернёшь –
Те воевали до последних дней
За Родину, за мир своих людей.

И среди них Шемей из Дагестана.
Так и не смог вернуться к милой маме.
И мать, не встретив сына, умерла.
Но память светлая о ней жива.

(пер. Д. Мордехай Раханаев)

Танкист

1

Ох, как стонет старая рана.
В полночь даже будит она.
И хоть лет пролетело немало.
Словно пламень сжигает меня.

В тот момент, когда вспыхнул танк,
Я ни капельки не испугался.
В руки взяв свой родной автомат,
Я вне танка в сей миг оказался.

Много вражеской силы было,
Очень много друзей уложило.
И пылает родня земля.
И снаряды летят от врага.

Вот и раненым я свалился,
И глаза мои закатились.
И всего меня кружит и кружит,
До безумия глотку мне сушит.

Что случилось со мной? Не знаю.
Поделиться не в силах с вами.
Я очнулся, набравшись сил,
И глаза свои сразу открыл.

Оглянулся кругом и вижу,
Два врача надо мною дышат.
И услышал из их разговора,
Как один говорит другому:

– Очень сильно лицо обгорело,
Как же выдержать боль так сумел он?
Много раненых рядом лежали,
И сочувствие мне выражали.

Мне же выздороветь всё хотелось,
И в бою испытать свою смелость.
Дни и месяцы уж пролетели,
И я смело встаю с постели.

Сердце тоже спешит на войну
Отомстить за обиду мою.

Но война разгорелась сильнее,
Враг вперёд посылает людей.

Наша армия преданно очень
За Москву, не смыкая очи,
Всё стоит. Я ж ругая себя,
Здесь лежу, в тишине, вне огня.

Почему меня нет возле них,
Чтоб врагов уничтожить своих?
Не пускают меня воевать.
– Рана сильная, – говорят, –
Заживёт пусть немного рана,
И пойдёшь, а пока что рано.

2

Защищают Москву солдаты,
Очень крепко стоят брат за брата.
И готовы ответ давать
И врагов своих растоптать.

Наконец-то, я в танке тоже,
Мчусь к врагам я по бездорожью.
А война всё сильнее и сильнее,
И всё больше уходит парней.

И по нашему танку попало,
И тела молодых растерзало.

Посчитали из танка тела –
Никуда не годятся дела.

И послали всем семьям весть,
Написав всё о том, как есть,
Как герои за родину пали,
За людей своих жизни отдали.

Рыл могилы товарищ мой.
Вдруг он видит, что я живой.
Рядом с трупами я лежу
Чуть живой, но всё же дышу.

Санитара мне сразу позвали,
Суетиться кругом все стали.
Снова в чувства меня привели,
И в Берлин мы с друзьями пришли.

3

Вернулись все солдаты в семьи.
Я с чемоданом, налегке,
Спеша, иду к своей семье.
Хочу увидеться со всеми.

И вот, стучусь я в дом теперь.
Старик мне открывает дверь.
Я поздоровался и жду:

О, как же радоваться будет
Отец приезду моему.

Он ввёл меня, всё удивляясь.
Лицо увидев, поражаясь,
Меня спросил: откуда я,
Осталась ли в живых семья?

Ответил я: «Да, все здоровы,
Но повидаться не готовы.
Сказали им, что я погиб,
Что пал за родину джигит.

Старушка тоже подле встала
И, поприветствовав меня,
Рассказывать, вздыхая, стала,
В какой скорби её семья:

– И сын наш тоже на войну
Ушёл. Танкистом он в бою,
Как нам в повестке написали,
Погиб за родину свою.
О, сколько слёз мы проливали.

И вдруг я чувствую, глаза
Мои слезами так налились.
Слезинки, как в горах река
К ожогам-шрамам устремились...

И я внезапно зарыдал,
Всё больше слёзы извергая.
– Отец мой! Мать! – я закричал, –
– Не уж-то я неузнаваем?
Я жив! Вернулся я домой!
Всмотритесь лучше в образ мой!

Отец застыл от удивленья.
Безмолвным стал от изумленья.
Мать присмотрелась. Крикнув «Ах!»
В объятия бросилась в слезах.

К ожогам на лице прильнула:
– Но как узнать тебя, сынуля?
Куда улыбку свою дел?
И прелесть красоты лица
Когда ты потерять успел?

Всем городом меня встречали
И всяких благ мне все желали.
У всех в сердцах царила радость,
Но так же и была в них тягость.

Из городка, где я живу,
Один лишь я домой вернулся.
Другие пали все в бою,
Кто той войны тогда коснулся.

Теперь и я уже седой
И доживаю век я свой
А внуки в армии все служат.
Для Родины и в зной, и в стужу.

4

Теперь, друзья, я всем желаю,
Никто чтоб войн таких не зная,
Здоров был духом и лицом
и узнаваем был всегда
Своей мамулей и отцом!

(пер. Д. Мордехай Раханаев)

Лётчик

1

В дни новолунья, дни веселья,
Цвели фруктовые деревья,
И зеленел уж виноград.
И каждый каждому был рад.

Счастливы были молодые
И песни пели удалые,
И, под руку держа друг друга,
По улицам гуляли кругом...

Вдруг почернели облака.
И с ними в дом пришла беда.

Фашисты армией большой
На родину пришли войной.

И молодые на войну идут.
Расставшись с милыми, покинули уют.
Те дни никто вовеки не забудет.
Героев множество в историю войдут.

Ошир и Лиза – любящие души,
Прошедшие все тяжести и стужи.
И вот сердца друзей срослись в одно,
Что сразу своё счастье обрело.

И перед тем, как на войну уйти,
Ошир к любимой захотел зайти,
Чтоб Лизочку свою благодарить,
И вот ещё о чем её просить:

– Тебя ещё я в детстве полюбил,
И в сердце я любовь свою взрастил.
Твой милый образ бережно храня,
Прошу, о, Лиза, не забудь меня.

Сегодня далеко я уйду,
Любимую свою благодарю.
И коль благоволят мне небеса,
Мы будем вместе, вместе навсегда.

Лиза:

– Как дочка наших неприступных гор
Тебя люблю я крепко с давних пор.
По-горски, милый, я тебя люблю,
И ты возьми с собой любовь мою.

И пусть ты будешь даже за границей,
Чтоб Родину свою оберегать,
Как око своё бережёт зеница,
Тебя, герой мой, друг мой, буду ждать.

2

Вот с самых первых дней войны жестокой
Ошир наш управляет самолётом.
На службе он как лётчик-истребитель
И посылает всех врагов на гибель.

В дни самой страшной на войне поры
На самолёте снова наш Ошир.
Бросает с неба бомбы, словно звёзды,
Чтобы разрушить вражеские гнёзда.

Уже прошло немало дней войны,
Всё погибают юные сыны.
Фашист на Родину всё нажимает,
И бой всё больше, больше назревает.

Не выдержала Лиза, страсть Ошира.
На фронт ушла, но прежде став врачом.
Во имя Родины, во имя её мира
И девушки нужны на фронте том.

Закончила она мединститут,
Её мечта сбылась, и Лиза – доктор.
Теперь врачует в госпитале, тут
Солдатов лечит выдержанно, стойко.

И вот горская девушка Лиза,
Позабыв обо всех капризах,
Очень тяжким трудом занята –
Стойко раненых лечит она.

Фашисты всё приближаются.
Сталинград за себя всё сражается.
Сильнейший проходит там бой
И жизни уносит с собой.

Наши лётчики в небе летят,
Самолёты фашистов громят.
Всё смелее советский солдат,
Среди них и Ошир – горский брат.

Увидел смелый лётчик наш Ошир:
Клубится в небе густо чёрный дым.

И выясняется, что этот дым клубит
От самолёта, где он сам сидит.

И в скором времени увидел пламя он
И к лесу сразу самолёт увёл.
Из самолёта с парашютом вышел
И вскоре сильный взрыв Ошир услышал.
Но, слава Б-гу, наш искусный лётчик
И в сложной ситуации сей выжил.

3

А Лиза в госпитале время всё проводит,
Всё больше раненых туда привозят.
И неизвестность об Ошире сердце гложет.
Но друг любимый в госпитале тоже.

Она устала, села, отдыхает.
Ошира образ перед ней всплывает.
И Лиза погружается в печаль.
И раненым её безмерно жаль.

Они к врачу тихонечко подходят
И рассказать её о грусти просят.
И просят не печалиться её,
А сердце в молодости радовать своё.

Глаза красивые, блестели очи эти.
И не нашлось солдатам что ответить.

То слёзы заблестели им в ответ:
– От друга моего вестей всё нет...

Ошир сильнейший бой с врагом ведёт.
Горит у немцев новый самолёт.
И в самолёте немец сам сгорает,
И лётчика-героя проклинает.

Война заканчиваться не желает,
И враг всё глубже, ближе подступает.
Народ страдает, бедствует народ.
А немцы продолжают страшный ход.

Наш маршал отдаёт такой приказ:
– Москву врагу мы отдавали раз.
Пришло уж время завершить войну!
Пока не поздно, дайте же врагу!

Задали тут врагу такого перцу!
И от Москвы погнали наши немцев.
К столице перекрыли все дороги.
Враги от холода такого все продрогли.

Советские войска в Берлин зашли.
И Гитлера вконец там извели.
И враг беспомощный, на родине – и пал.
А мир весь с облегчением вздыхал.

Солдаты возвращаются домой
Родители их с радостью встречают.
В солдатском платье, хороша собой,
Но с не совсем спокойною душой

И Лиза из вагона выплывает.
А на перроне все друзья её.
Кидаются на шею, поздравляют.
Но Лиза думает всё о своём.

А тут и от Ошира весть пришла.
Какою ж радостной та весть была!
Он не погиб! И возвращается он к ней!
К любимой, преданной красавице своей!

Ошир и Лиза вместе навсегда!
Красивая, счастливая судьба!
И нету больше счастья человеку.
Чем быть с избранницей и ею жить... навеки!

(пер. Д. Мордехай Раханаев)

Сильнее кровного родства

В зелёный летний день,
Когда лоза
Янтарной силой
Грозди наливала,
Мозол смотрела
В Яшины глаза,
И радость
В юном сердце трепетала.
Ещё ничто
Не предвещало бед
В зелёный день
В расцвете юных лет.
Ещё с работы

Мирно шёл отец,
Не зная, что
Не грозди винограда
Возьмёт он скоро в руки,
А снаряды,
Что будет
Красной Армии боец.
И Яша,
Одноклассник и поэт,
Читал стихи Мозол
И строил планы.
Ещё не чувствовал кровавой раны,
Ещё не ощущал
Кровавых бед.
И старшеклассница
Дербентской школы средней
Не знала,
Что за партой день последний.
Не белые тетрадные листы
Теперь ей в руки –
А бинты, бинты,
Кровавые бинты
Когда сочится рана...
Начнется завтра бой,
Сегодня рано.
Сегодня счастьем жизнь ещё полна.
Всё изломает поутру
Война.

***

Над брестским небом –
Чёрные кресты.
И смяты пограничные посты,
Посты надежды, мира и любви.
Страна моя,
В огне ты и в крови.
И крепостью,
Стоящей до конца,
Не камни обернулись –
А сердца.
Сердца, как крепости
И как знамёна,
И вот уж
Добровольцы поимённо
На перекличке отвечают: «Я!» –
И на сто вёрст
Растянута семья:
Отец и брат
Спешат в бои на запад,
Туда, где льётся кровь,
Где гари запах.
И Яша, любящий,
На фронт ушел.
Одна осталась горевать Мозол.
Она одна теперь
В пустой квартире,
Ночами видятся

Дурные сны...
Она одна не в доме –
В целом мире
Среди беды сиротской
И войны.

Но не одна,
Ведь даже и война
Не только разлучает,
Но сближает.
И в госпитале
Нянею она
С утра до ночи
Сутки коротает.

Не бог весть что:
А нежность и участие
Она отдаст
Израненным бойцам.
Они в ответ,
Как талисман на счастье,
Дадут страдание
Ее глазам.
И мужество в груди ее родится,
Способность все суметь
И превозмочь.
Фронтовиков
Любимая и дочь,

Достойно их
Должна она трудиться.

***

Боец стонал
И сряду много дней,
Как кокон,
Он обмотан был бинтами.
Он, истекая кровью,
Звал друзей
И тихо обещал вернуться маме.
Он по матрацу
Снова полз вперёд,
Гранату
Занеся над головою,
Он за собою
Вёл на танки взвод...

И вдруг сиделки руку
Сжал рукою.
И приподнялся,
Глядя ей в глаза,
И долго так смотрел,
Не веря будто,
И белыми губами ей сказал:
– Он мне показывал
Тебя в то утро,
В то утро чёрное,

Черней, чем ночь,
Когда обугливалось
Всё на свете,
Он фото дал мне
И сказал, что дочь,
Что дочь Мозол
Есть у него в Дербенте...
Я не ошибся?
Как тебя зовут?
Он был мне другом...
Он ведь спас меня...
И радостью пронзённая она
Вдруг сникла:
– Был? –
Так, значит, нету больше?!
– Не плачь, – сказал боец –
Пойми: война.
Она нас разлучила
Где-то в Польше...
Хорошим другом
Мне отец твой был...
Я знаю, как он дочь свою любил,
Как жизнь любил,
Как жизнью рисковал,
Как он в мечтах победу рисовал.
В родной Дербент
Он так хотел вернуться...
Боям, как рекам,

Вспять не повернуться –
Я здесь – он там.
Но будет мне трудней –
Пойдёт он
По пятам судьбы моей.
Мне за двоих
На этом свете жить.
Мне за двоих
Тебя, Мозол, любить.
Я долг перед ним
Исполню до конца
Я заменю, Мозол,
Тебе отца.
И раненый, истратив много сил,
Умолк.
И слов уж не произносил.
Когда он вновь
В беспамятство ушёл –
Прорвалось
Горькое рыдание Мозол.

***

Из забытья
Вернулся он в сознание,
Услышав
Сдавленное то рыданье,
Но глаз мучительно не мог
Открыть?

Ну как утешить?
Что сказать?
Как быть?
Не слишком ли
Сказал он резко вдруг?
«Нисон, Нисон,
Мой незабвенный друг,
В полубреду я, знать,
Не то смолол.
Прости, Нисон,
Прости меня, Мозол!»
И Николай
Глаза открыл несмело:
Мозол у изголовия сидела.
– Не плачь, – сказал он,
Шевельнув губами. –
Я отомщу фашистам.
Правда с нами.
Мне есть, за что их бить,
Двуногих гадов,
Мой гнев теперь
Сильней любых снарядов...
И Николай
Ей рассказал о том,
Что был сожжен
Его родимый дом,
Расстреляна семья –
Кто где зарыт,

Друг фронтовой, Нисон,
И тот убит...
Скорей бы снять бинты –
И снова в бой!
С фашистом счёт у Николая
Свой.
Но он не знал,
Что зря мечту лелеет,
Что в бой пойти
Уже он не сумеет,
Хоть он и рвётся,
Яростно горяч,
Свой приговор
Уж вынес ему врач.
И захлебнётся сердце
От обид.
Что делать –
Но теперь он инвалид.

***

Стал Николай
Мозол вторым отцом,
И сразу ожил
Бесприютный дом.
Заботится о ней,
Она – о нём,
Работа и забота

День за днём.
Он стал выращивать
В колхозе виноград
Там, где Нисон трудился,
Друг и брат.
Он на работе,
Будто бы на фронте,
Все силы отдаёт опять борьбе.
Он зрит победу уж на горизонте
В судьбе народа
И своей судьбе.
Но память горькая
Лежит на сердце камнем.
Не снять её с народа и веками.

***

Печальная история,
Но всё же
Конец счастливый близится уже.
За горе получать негоже –
Конец войны!
На этом рубеже
Встречал Дербент
Сынов своих с победой
И радостью
Заполнились сердца.
Конец войне –

Конец слезам и бедам.
Но разве можно
Воскресить отца?
Зато вернулся Яша,
Словно солнце
Взошло
Над опечаленной Мозол.
Вот он идёт
Всё ближе
И смеётся.
И тянет руки.
Вот он подошёл,
И поцелуй!
Пусть видят все и каждый
Их поцелуй на людях
(Как он прав!)
Так путник,
Мучимый бедой и жаждой,
Пьёт воду,
Жадно к роднику припав.
И Николай – второй отец Мозол –
Тихонько
К двум влюблённым подошёл
И, не скрывая радости своей,
Обнял за плечи
Молодых людей.
И трое, близкие не кровью,

А душой,
Счастливые друг другом,
Шли домой.
И собрались друзья
За их приветный стол,
Все поздравляли
Яшу и Мозол.
И счастье,
Что победой рождено,
Оно
Им было на троих дано.

(пер. В. Портнова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
------------------	---

СТИХИ

О, Кавказ!.....	8
Не хочу!.....	9
Напутствие	10
«Ты силён и крылат...».....	11
Учитель.....	12
Дерево у дороги	13
Моя звезда.....	14
Баллада об отце.....	15
Людям.....	17
Мой Дербент.....	18
Сын уходит в армию служить	20
Сыну.....	21
У обелиска	22
На Пискарёвском кладбище.....	24
Родина	25
«Средь бушующей мглы...»	26
Околица	27
Судьба девушки	28
Сестра	30
Матери.....	31
Спасибо, отец.....	32
Полубиблейская сказка	34
Радуга	36

Люди	38
Желание.....	44
Всё для тебя	45
Дружба	49
«Мы сыновей для радости растим...»	54
«Жизнь казня...»	56
Мой долг	60
Пастух	63
Чинара у ручья	66
Астронавт	70
Раскаяние	74
Милый доктор.....	77
«Зимой мы расстались...».....	78
Моё лекарство	79
Возьми моё сердце	80
«Когда-то было, вечером иль днём...»	81
Любимому	82
Путнику	84
Прощальная	85
Бессонная ночь.....	86
Цветов не рвите	88
Встреча	91

ПОЭМЫ

Мать солдата	96
Танкист	100
Лётчик	107
Сильнее кровного родства	114

Литературно-художественное издание

Семендуева Зоя

МАТЬ СОЛДАТА

Сборник стихов и поэм
(перевод с горско-еврейского языка)

Редактор – Д. Мордехай Раханаев

Компьютерный набор – С. Семендуева

Корректор – А. Семендуев

Дизайн и компьютерная вёрстка – Э. Алиев

Руководитель издательского проекта – Й. Мишиев

Подписано к печати 13.09.2012.

Формат: 70x100 1/32. Гарнитура PT Sans.

Печать офсетная. Усл. печ. листов 5.16.

Тираж 300 экз.

Издательский дом «Мирвори»

Издание книг, брошюр, буклетов, каталогов, календарей.

Компьютерный набор, корректура, редактирование,
художественный дизайн, графика и вёрстка.

Консультации по всем вопросам книгоиздания.

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42102, Netanya, P.O. B. 359

Телефоны – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822

+9729-8870811, +9729-8840855, +97254-7766822

Электронная почта: mirvori@mail.ru

Родилась в 1929 году в Дербенте. Училась в Махачкале. В 1950 г. поступила на работу в Дагкнигоиздат на должность редактора. Постоянно находясь в творческой среде, Зоя решила однажды попробовать и свои силы в поэзии. Опыты оказались весьма удачными. Её первые стихи увидели свет в 1960 году на страницах альманаха, выходившего на горско-еврейском языке.

Первый сборник вышел в 1967 году, а всего до репатриации в Израиль Зоя Семендуева выпустила 10 сборников стихов, один из которых был на русском языке. Член союза писателей Дагестана.

Произведения поэтессы публиковались в московских поэтических сборниках, в книге «Народ – победитель», «Песня», «Мечта и любовь» и др.

В декабре 1992 года Зоя репатриировалась в Израиль. Здесь её стихи публиковались в сборнике «Говлеи – Избавление», а в 1998 году она выпустила новый сборник стихов «У обелиска», в который вошли произведения на горско-еврейском языке и переводы её стихов на русский язык. В 2007 г. в издательстве «Мирвори» вышел ещё один сборник «Духдер дуь бебе», в который вошли стихи, поэма и пьеса на горско-еврейском языке. С 1999 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа.